

Сергей Васильевич ХОМЯКОВ¹

УДК 93/94

СТАРООБРЯДЦЫ БУРЯТИИ: ВХОЖДЕНИЕ В СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ВЛАСТЬЮ*

¹ кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
отдела истории, этнологии и социологии,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (г. Улан-Удэ)
khomyakov777@yandex.ru

Аннотация

Как известно, одной из центральных составляющих советской идеологии являлась задача построения в стране гомогенного общества, основанного на уравнилельных принципах в образе жизни и достатке (что казалось большевикам высшим благом), а также появления доступа к достижениям культуры и политическим процессам. Укреплялись чувства патриотизма, жертвенности по отношению к Родине, коллективистская психология социализации личности. Все это, вместе с вытеснением религиозного мировоззрения, было непременным атрибутом становления человека новой «советской» формации.

Общая для всего СССР тенденция коснулась и старообрядческого населения Бурятии. Для него это «повышенное внимание» со стороны властей было не в новинку, так как, начиная с середины XVII в., т. е. со времени своего появления, предки старообрядцев подвергались постоянным гонениям и осуждениям, как со стороны царской власти, так

---

* Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.187.1.4. «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5).

Цитирование: Хомяков С. В. Старообрядцы Бурятии: вхождение в советское общество и проблема взаимоотношений с властью / С. В. Хомяков // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Том 4. № 3. С. 167-178.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-167-178

и Русской православной церкви (РПЦ). Конечно, у советской власти по отношению к старообрядцам была совершенно иная политика, направленная не на усиление изоляции, социальной и культурной «закрытости», а, напротив, на вовлечение этой категории населения в политические и культурные процессы. Однако это приводило и к серьезному конфликту, вызванному целенаправленной ломкой традиционных устоев и религии.

Целью данного исследования является попытка проанализировать общие и специфические черты во взаимоотношениях советской власти и жителей старообрядческих сел Тарбагатайского аймака Бурят-Монгольской АССР в 1920-х гг. Поставленная цель реализовывалась с помощью историко-генетического и историко-сравнительного методов.

В качестве основных выводов следует отметить следующее. Старообрядцы Бурятии и официальная власть продолжили многолетнюю конфронтацию и в 1920-х гг.: отличием была неприязнь к самому институту советской власти, тогда как в имперский период старообрядцы негативно относились к отдельным персонам на троне, поддерживая в целом идею самодержавия. Большевики, борясь с замкнутостью старообрядческих анклавов, использовали как общие методы, применявшиеся ко всему населению страны (атеизация, принцип классовости), так и узкоспециализированные (обучение старообрядческой молодежи в г. Верхнеудинске и отправка их по месту рождения на работу в советских учреждениях). В результате этих действий, а также объективного упадка традиционного общества в 1920-х гг., в Бурят-Монгольской АССР начался процесс вхождения старообрядцев в строящееся советское общество.

Ключевые слова

Отечественная история, советская идеология, атеистическая пропаганда, традиционное общество, старообрядчество, замкнутое сообщество, культурные подходы.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-167-178

Введение

В начале процесса создания советской общности большевики зачастую сталкивались с пассивным сопротивлением всему новому в среде многих социальных групп. Это было вызвано неприязнью к власти в целом, неприятием политики атеизации и нежеланием перестраивать установленный поколениями жизненный уклад. Одной из таких социальных групп стали старообрядцы, часть которых компактно проживала в нескольких селах Верхнеудинского уезда и некоторых других местах Бурят-Монгольской АССР (официальное название Бурятии с 30 мая 1923 по 1991 г.). Актуальность работы объясняется стремлением научного сообщества продолжать создание целостной картины исторической судьбы старообрядцев. Это продиктовано постоянным повышением интереса общества к их истории и культуре.

В качестве цели исследования видится изучение конфликта во взаимоотношениях между старообрядческими анклавами и советской властью, которая, проводя свою политику гомогенизации общества, стремилась к разрушению изолированного состояния «семейских».

Историко-генетический метод, предполагающий изучение изменений явления во времени, был необходим для сравнения старообрядческой общности в дореволюционный период (когда сформировался замкнутый образ жизни, религия стала цементирующей основой для группы) и в 1920-х гг. (разрушение традиционного уклада). Историко-сравнительный метод, применяющийся для сопоставления сторон различных явлений и выявления общих и особенных черт, использовался, в частности, при сравнении политики царской и советской власти по отношению к старообрядцам.

Основная часть

Старообрядчество позиционировало себя как «православие, в его наиболее традиционной, консервативной форме, избежавшее влияния церковного модернизма и около трех с половиной столетий являвшееся негосударственным православием» [3, с. 57]. Отколовшись от РПЦ в середине XVII в., долгое время было в основном сосредоточено в восточных областях Речи Посполитой (нынешние Черниговская, Сумская области Украины, Гомельская область Белоруссии). В Забайкалье, волей императрицы Екатерины II, старообрядцы переселялись большими семьями в 1760-х гг., попутно прикрепив к себе этноним «семейские». Точную датировку их прибытия приводит В. М. Пыкин: «Основная часть „польских поселщиков“ стала прибывать в Забайкалье в начале февраля 1767 г.» [8, с. 141]. О том, что адаптация в суровых и непривычных условиях прошла достаточно быстро, говорит Ф. Ф. Болонев: «Прибыв на места поселения в Забайкалье, старообрядцы обустроились очень быстро — за 3-4 года» [1, с. 44].

За последующие до падения царской власти 160 лет села, в которых проживали преимущественно старообрядцы (Тарбагатай, Большой Куналей, Куйтун, Надеино, Десятниково и другие), стали представлять из себя замкнутые анклав. Они были закрыты для проникновения в них «чуждого» влияния, в том числе развития образования и медицины. Проживающие в этих селах люди считали, что, только минимизировав любое взаимодействие с государством (уплата налогов, отправка мужчин в рекруты) и с местным бурятским и русским старожильным населением (земельные вопросы), можно было сохранить старый патриархальный уклад, религиозные принципы, которые они считали единственно верными и чистыми.

Несмотря на то, что государство, в лице царской и императорской власти, часто инициировало новые волны гонений на старообрядцев, время от времени ухудшало их положение (увеличивая налоговые сборы и т. д.), к самому институту самодержавия эта категория населения относилась вполне лояльно. «Антихристами», предавшими православную веру, считались отдельные личности — Алексей Михайлович, при котором произошел раскол, или Петр I. К самой же династии Романовых семейские Забайкалья относились лояльно. «Вот, например, картинное собрание куналейской квартиры. От икон непосредственно идут картины: избрание Михаила Федоровича на царство...» [10, с. 4].

Царя считали хозяином земли государственной, без которого на ней не будет порядка, как если бы без хозяина-мужика в доме наступил упадок и разруха. Профессор А. М. Селищев отмечал: «...В Тарбагатае мне передавал старик, как один старообрядец-начетчик говорил, что в Учредительном собрании будут выбирать хозяина земли русской по писанию; а писание укажет, что должен быть царь» [10, с. 11]. Конечно, такое мышление вполне укладывается в типичный крестьянский менталитет сельских жителей всей России. Традиционное общество тяжело воспринимало падение самодержавия, начавшееся беззаконие, засилье банд, смуту Гражданской войны. Нестабильной в Сибири в 1918 г. советской власти жизненно необходимо было склонить крестьянство к союзу. Старообрядческое население Верхнеудинского уезда не стало исключением. «Отношение к „большевизне“ сочувственное. Эти села только слышали программные речи большевиков. По местам с благодарностью вспоминают, что большевики разрешили воспользоваться крестьянам спорной бурятской землей» [10, с. 11].

В 1919 г., по воспоминаниям иркутского профессора А. М. Селищева, побывавшего в семейских селах, здесь была устойчивая ностальгия по рухнувшей царской власти и определенная степень симпатии к ушедшим из этих мест большевикам. Такие настроения тем более усиливались из-за частых набегов банд атамана Семенова, взятия ими заложников, избиения людей. В старообрядческих анклавах была распространена оригинальная идея о том, что у власти могут находиться и цари, и большевики, лишь бы не семеновцы. «Хорошо бы, если бы там, где-то вверху, сидел царь, — стал бы порядок в государстве, а поближе к нам, к народу, правителями были бы большевики или вроде них» [10, с. 11].

Однако после окончательного установления советской власти в Бурятии отношение к ней со стороны старообрядцев поменялось. Практически в каждом поселении были случаи призывов к сопротивлению новой власти, причем из уст самых авторитетных людей — священников и уставщиков (т. е. уважаемых людей, которые, за неимением священников у старообрядцев беспоповского толка, занимались проведением необходимых обрядов). Служителям культа становилось понятно, как поменяется их положение, реализуй власть свою политику по атеизации населения. Поэтому отношение к советской власти было подчеркнуто негативным. Если в эпоху царской России они критиковали отдельные личности на троне, то в данной ситуации становились противниками советской власти как политического института в целом.

Коммунистам Бурятии было просто необходимо разрушить замкнутое состояние старообрядческих сел, завоевать либо вернуть симпатии местного населения, и самое главное — поменять мировоззрение этих людей, считающих все внешнее чуждым и опасным для своей религии и собственного существования. Сделать это можно было посредством методов культурных преобразований на селе, поменяв образ жизни человека, установив тесную связь старообрядческих сел с г. Верхнеудинском. Но прежде всего партийным функционерам, работникам культуры и образования, комсомольцам необходимо было стать авторитетной силой, с которой считаются и которой доверяют. Стать заменой

уставщикам и священникам, играющим главную роль в жизни семейских сел. Следовательно, борьба с религией старообрядцев становилась главной задачей, без выполнения которой не удалось бы инкорпорировать эту обособленную социальную группу в советское общество.

Нужно отметить, что к 1920-м гг. подчеркнуто строгое следование обрядам и традициям уже не имело первостепенного значения для молодого поколения семейских. Конечно, это происходило в соответствии с общей для России начала XX в. тенденцией сближения города и деревни, усиления товарообмена, переезда сельских жителей в города из-за малоземелья и по иным причинам. Но если в европейской части России это проявлялось масштабнее и динамичнее (вследствие проведения в жизнь Столыпинской аграрной реформы 1906 г.), то в Забайкалье разрушение традиционного общества шло гораздо медленнее. В старообрядческих селах оно и вовсе выражалось в только начинающейся смене образа жизни и мышления. Молодые парни, отслужившие в армии, понимали пользу образования, хотели быть грамотными, критиковали своих родителей за глухое невежество и неприятие школьного обучения. Люди, вернувшиеся со службы, не видели ничего плохого в официальной документации, тогда как испокон века старообрядцы негативно относились к документам, считая печати на них «метками антихриста». Технический прогресс также вносил свой вклад в изменение образа жизни. «Ранние эсхатологические построения старообрядцев были сосредоточены на полемике с иерархами православной церкви по вопросам наступления Второго пришествия и Страшного суда, природе Антихриста. Эволюция эсхатологического мифа выдвинула на первый план сюжеты, связанные с осмыслением старообрядцами роли технических инноваций в обществе» [4, с. 441].

Во многих поселениях исследователи видели одну и ту же картину, когда молодежь не стала так ревностно следовать вере, постоянно посещать службы, слушать толкования святых книг, во всех вопросах подчиняться отцу и матери. Употребление алкоголя и табака становилось распространенным явлением. Религиозные праздники зачастую начали пониматься как повод для увеселений, вера переставала быть тем началом, которое скрепляло общество воедино. Следует сделать вывод, что большевики при проведении идеологической работы со старообрядческим населением, агитации против религии, начинали пробивать бреши в уже не монолитном сознании людей, что явно облегчало общую задачу. Кроме того, они старались делать акцент на молодое поколение, поддерживая сопротивление родителям, а также удовлетворяя запросы (свобода в выборе рода занятий, передвижений, строительство школ, изб-читален, библиотек и домов культуры). Объективные процессы ослабления традиционного общества, несомненно, помогли новой власти в решении проблемы вхождения старообрядческого населения в советскую систему.

Как уже упоминалось, религиозные деятели видели негативное влияние и опасность в самом институте советской власти, а не в отдельных ее представителях (напротив, среди семейских Тарбагатая, по сообщению А. Долотова, с

1924 г. ходил слух «об исповеди Ленина перед смертью и отречении его от большевизма») [2, с. 29-30].

Советская власть, помимо персонифицированной критики образа уставщика (обвинения в темноте и невежестве, в которые он загонял население), расценивала старообрядческую религию как особую систему верований, с которой необходимо бороться комплексно. Если в случае с православием борьба шла практически со всем, что вобрало в себя христианство, то здесь акцент делался на борьбе с празднованием Пасхи и Троицы (как наиболее распространенных у старообрядцев праздников), а также критике важнейших аспектов старообрядческой картины мира, в особенности популярного в этой среде толкования новозаветного сюжета-предсказания — Апокалипсиса Иоанна Богослова (о появлении антихриста и принятии под его печать всех церквей мира, кроме старообрядческой). «Учение старообрядческого духовенства об антихристе, это основа, на которой строится почти вся его контрреволюционная агитация. Учение о том, что у власти стоят антихристовы слуги, что кооперация — антихристовое дело, что в школе — грамота антихриста, что повсюду его печать, что во всем мире царствует антихрист — ведь это целая идеологическая система» [2, с. 46-47].

Многие партийные и комсомольские активисты отмечали, что практически самая трудная ситуация с продвижением антирелигиозной пропаганды в Бурят-Монгольской АССР с 1923 г. складывалась как раз в старообрядческих районах. «Из сел Старая и Новая Брянь. В августе в Новой Бряни состоялось объединенное собрание обоих селений, на котором присутствовало граждан обоого пола 354 чел. Обсуждались вопросы о содержании уставщиков, пономарей и прочей дребедени. Наши граждане „семейские“ за церковь держатся и представляют попам морочить себя как последним желательно» [5, с. 3]. Такое убеждение постепенно стало официальной точкой зрения властей. «Наиболее передовые люди — бросили религию навсегда. Но большинство трудящихся этого еще не сделало. В старообрядческих селах — в особенности. Почему? Чем некультурнее массы — тем крепче сидит в них религия» [2, с. 43]. Во многих селах борьба с религией носила фиктивный характер, так как в числе верующих в 1928 г. оставались и местные коммунисты. «С. Новая Брянь. Религиозные отношения в семьях коммунистов мало изменились. Из 17 коммунистов нет икон в домах только у 3. Есть такие, кто находится под влиянием своих темных жен» [6, с. 3].

С другой стороны, в отличие от сплоченной, многочисленной, иерархически строго выстроенной системы РПЦ, старообрядческая церковь была в гораздо большей степени разобщена как организация. Существование многочисленных толков (поповцы, беспоповцы, австрийцы, темноверцы и многие другие), враждебно настроенных друг к другу и имевших свои отличительные черты, также не добавляло сплоченности. Многие духовные лица оказывались в изолированном положении, в отдаленном поселке, бороться с их влиянием властям было гораздо легче.

Большевики понимали, что мало бороться с религией, вытеснять ее из мировоззрения, как старый и ненужный для нового мира инструмент. Чтобы создать

единое советское общество, необходимо было привлекать людей к сотрудничеству, показать на деле, насколько сильна коммунистическая идеология. Что, в отличие от царской власти, новая — думает о людях и готова в короткий срок создать счастливую жизнь. Для этого во главу угла была поставлена задача скорейшей ликвидации неграмотности, решения проблемы с образованием и доступа к культуре. Такая концепция, направленная на привлечение симпатий, относилась и к старообрядцам Бурятии. Причем для этого применялись как общие, так и специальные методы.

В качестве первых, как уже было упомянуто, нужно отметить развернувшуюся «культурную революцию». В каждом семейском селе были построены школы, избы-читальни, дома культуры, пункты ликвидации безграмотности, развернута агитация культурной жизни в быту, что особенно касалось доверия к медицине. Такая политика властей, в целом адресованная молодежи, была своевременна, так как не противоречила объективным тенденциям. По сообщению А. М. Поповой, побывавшей в Тарбагатае в 1928 г., «...молодежь, „заразившись“ новыми взглядами, начинает отставать от старинки, посещает избы-читальни, поет революционные песни, привыкает к курению, не соблюдает постов, бросает ходить в церковь и молельные дома, а еще хуже всего, начинает восставать против родительской власти» [7, с. 23]. В качестве специальных методов, призванных включить старообрядцев в советское общество, важно отметить как уже охарактеризованную борьбу с религией, которая имела свои особенности, так и обучение молодых семейских активистов в городской среде, принятие их в комсомол и распределение в качестве работников изб-читален, библиотек и школ в их родные села. В этой ситуации (хотя и не всегда) даже самые невосприимчивые к советской власти люди, видя, что в новых учреждениях работает «свой» по рождению и вере человек (который старался помогать односельчанам, выдавал справки, распространял газеты и журналы и т. д.), постепенно стали проявлять лояльность к новым реалиям. Один из вариантов характера этого поведения отмечает Л. Г. Сахарова, приведя в пример вятских старообрядцев: «Для большей части старообрядчества был характерен процесс культурной мимикрии, то есть внешнего приспособления к новым порядкам и демонстрации лояльности по отношению к советской власти» [9, с. 106]. Социально-одобряемое поведение становится одним из основных вариантов взаимоотношений с властями и в Бурятии.

Заключение

В результате можно резюмировать, что в 1920-х гг. старообрядческое население Бурят-Монгольской АССР начало плавный процесс вхождения в активно строящееся советское общество. Это оказалось неизбежно, по причине нарастающего кризиса традиционного уклада жизни и принципиального, планомерного воздействия политики большевиков на сферы культуры, образования и религии (с помощью охарактеризованных методов). В итоге уже в первое десятилетие существования советской власти отношения с ней у старообрядцев были более

многоступенчатыми и сложными, нежели с царской. Если во втором случае конфронтация имела персонифицированный характер (старообрядцы подвергались гонениям из-за указов отдельно взятых правителей), то советская власть в начале 1920-х гг. была для них враждебна сама по себе, так как декларировала борьбу с религией, вторгалась в частную жизнь. К концу 1920-х гг. отмечается общий спад напряженности, что говорит о постепенном включении старообрядцев в протекающие процессы (искренне либо мимикрированно).

Отрицательным моментом новой реальности для этой категории населения, безусловно, видится удар по религии, (так как она в свою очередь была основой самоидентификации людей), растущее вмешательство во все стороны жизни человека, перенос на местную почву принципа классовой борьбы, который раскалывал эти небольшие сообщества. В качестве положительного фактора можно выделить следующее. За полтора столетия своего нахождения в Забайкалье между старообрядцами и официальной властью существовал религиозный конфликт, который стал причиной отрыва этой группы от жизни основной части русского этноса. Изоляция, догматичность религиозных убеждений (которая всегда существует в статичных группах), автономия во внутренних делах способствовали появлению яркой и самобытной культуры, но не давали шанса людям в полной мере ощутить себя внутри многомиллионного сообщества, пользоваться достижениями российской науки, культуры, медицины (хотя это, безусловно, было не единственной причиной).

Инкорпорация в советское общество, в перспективе, открывала старообрядцам возможность вновь включиться в масштабные социальные процессы и стать полноценной частью огромной страны. Что касается их религии и культуры, то они оказались достаточно устойчивыми, чтобы пережить упадок и сохранять многовековую специфику общности на современном этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болонев Ф. Ф. Семейские / Ф. Ф. Болонев. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1985. 144 с.
2. Долотов А. Старообрядчество в Бурятии (Семейские в Забайкалье) / А. Долотов. Верхнеудинск: Бургосиздат, 1931. 52 с.
3. Дударенок С. М. История старообрядчества и особенности его мировоззрения в работах отечественных историков и философов / С. М. Дударенок // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V Международной научно-практической конференции (31 мая — 1 июня 2007, Улан-Удэ). Улан-Удэ: БГУ, 2007. С. 57-67.
4. Любимова Г. В. Рассказы современных старообрядцев о конце света в контексте процессов глобализации / Г. В. Любимова // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V Международной научно-практической конференции (31 мая — 1 июня 2007, Улан-Удэ). Улан-Удэ: БГУ, 2007. С. 441-447.

5. Мертвецы // Бурят-Монгольская правда. Верхнеудинск. 1923. 30 сентября. С. 5.
6. Партийцы из числа семейских начали забывать про общественную работу // Бурят-Монгольская правда. Верхнеудинск. 1928. 24 марта. С. 7.
7. Попова А. М. Семейские. Забайкальские старообрядцы / А. М. Попова. Верхнеудинск, 1928. 36 с.
8. Пыкин В. М. К вопросу о времени поселения в Забайкалье старообрядцев-семейских / В. М. Пыкин // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V Международной научно-практической конференции (31 мая — 1 июня 2007, Улан-Удэ). Улан-Удэ: БГУ, 2007. С. 140-146.
9. Сахарова Л. Г. Восприятие вятскими старообрядцами политики советской власти в отношении религии и церкви в 1918-1940 гг. / Л. Г. Сахарова // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V Международной научно-практической конференции (31 мая — 1 июня 2007, Улан-Удэ). Улан-Удэ: БГУ, 2007. С. 103-107.
10. Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские / А. М. Селищев. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1920. 89 с.

Sergey V. KHOMYAKOV¹

UDC 93/94

**THE OLD BELIEVERS OF BURYATIA:
INTRODUCTION INTO THE SOVIET SOCIETY
AND THE PROBLEM OF RELATIONS WITH THE AUTHORITY***

¹ Cand. Sci. (Hist.), Junior Researcher,
Department of History, Ethnology and Sociology,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
khomyakov777@yandex.ru

Abstract

One of the central components of the Soviet ideology was the task of building a homogeneous society based on equalizing principles in the way of life and prosperity (which the Bolsheviks saw as the supreme value), as well as the emergence of access to cultural achievements and political processes. The feelings of patriotism and collectivist psychology of socialization of the individual were strengthened. This, in conjunction with the displacement of the religious worldview, was an indispensable attribute of a new “Soviet” person.

The common trend for the entire Soviet Union has affected also the Old Believers in Buryatia. For them, this “greater attention” from the authorities was not a novelty, as, beginning with the time of arrival of the Old Believers’ ancestors in the middle of the 17th century, they were subjected to ongoing persecutions and condemnations, both by the tsar authorities and by the Russian Orthodox Church. The Soviet authorities had a completely different policy toward the Old Believers. However, this caused a serious conflict arising from the purposeful breaking of the traditional foundations and religion.

---

* The article was supported by the FANO Russia (project no XII.187.1.4. “Cultural Heritage of the People of Transbaikalia and Adjacent Regions of East Asia in the System of Spiritual Values of Russia”, no AAAA-A17-117021310267-5).

Citation: Khomyakov S. V. 2018. “The Old Believers of Buryatia: Introduction into the Soviet Society and the Problem of Relations with the Authority”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 4, no 3, pp. 167-178.
DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-167-178

This research aims to analyze specific features in the relationship between Soviet power and the inhabitants of the Old Believers' villages in the Tarbagatai Aimag of the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920s. This objective was implemented with the help of the narrative, the historical-genetic and the historical-comparative methods.

The Old Believers in Buryatia and the official authority continued their long term confrontation in the 1920s. The main difference was in enmity to the very institution of Soviet power, whereas in the imperial period the Old Believers negatively treated certain persons on the throne, supporting, in general, the idea of autocracy. Bolsheviks, fighting with the insularity of the Old Believers enclaves, used both common methods applied to the entire population of the country (atheism, the principle of class) and highly specialized (training of Old Believers young people in Verkhneudinsk and sending them to their place of birth to work in Soviet institutions). As a result of these actions, as well as the objective decline of traditional society in the 1920s, in general, in the Buryat-Mongolian ASSR, began the process of introduction of the Old Believers into the Soviet society under construction.

Keywords

National history, soviet ideology, atheistic propaganda, traditional society, Old Belief, insular community, cultural campaign.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-167-178

REFERENCES

1. Bolonev F. F. 1985. *Semeyskie* [Old believer]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo.
2. Dolotov A. 1931. *Staroobryadchestvo v Buryatii* [Old Believers in Buryatia]. Verkhneudinsk: Burgosizdat.
3. Dudarenok S. M. 2007. "Istoriya staroobryadchestva i osobennosti ego mirovozzreniya v rabotakh otechestvennykh istorikov i filosofov" [The History of the Old Belief and the Peculiarities of Its Worldview in the Works of Russian Historians and Philosophers]. Proceedings of the International Research Conference "Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye tradicii, russkie i zarubezhnye svyazi (31 May — 1 June, Russia, Buryatia, Ulan-Ude), pp. 57-67. Ulan-Ude: BGU.
4. Lyubimova G. V. 2007. "Rasskazy sovremennykh staroobryadtsev o kontse sveta v kontekste protsessov globalizatsii" [Stories of modern old believers about the end of the world in the context of globalization]. Proceedings of the International Research Conference "Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi" (31 May — 1 June, Russia, Buryatia, Ulan-Ude), pp. 441-447. Ulan-Ude: BGU.
5. Buryat-Mongol'skaya pravda. 1923. "Mertvetsy" [Dead People]. Verkhneudinsk.
6. Buryat-Mongol'skaya pravda. 1928. *Partiytsy iz chisla semeyskikh nachali zabyvat' pro obshchestvennyuyu rabotu* [Party Members of the Old Believers Began to Forget about Social Work]. Verkhneudinsk.

7. Popova A. M. 1928. Semeyskie. Zabaykal'skie staroobryadtsy [Transbaikalian Old Believers]. Verhneudinsk.
8. Pykin V. M. 2007. "K voprosu o vremeni poseleniya v Zabaykal'e staroobryadtsev-semeyskikh" [On the Question of the Time of Settlement in Transbaikalia of Old Believers]. Proceedings of the International Research Conference "Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye tradicii, russkie i zarubezhnye svyazi" (31 May — 1 June, Russia, Buryatia, Ulan-Ude), pp. 140-146. Ulan-Ude: BGU.
9. Sakharova L. G. 2007. "Vospriyatie vyatskimi staroobryadtsami politiki sovetskoy vlasti v otnoshenii religii i tserkvi v 1918-1940 gg." [The Perception of Vyatka Old Believers of the Policy of Soviet Authority in Relation to Religion and the Church in 1918-1940]. Proceedings of the International Research Conference "Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye tradicii, russkie i zarubezhnye svyazi" (31 May — 1 June, Russia, Buryatia, Ulan-Ude), pp. 103-107. Ulan-Ude: BGU.
10. Selishchev A. M. 1920. Zabaykal'skie staroobryadtsy. Semeyskie [Transbaikalian Old Believers]. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy universitet.